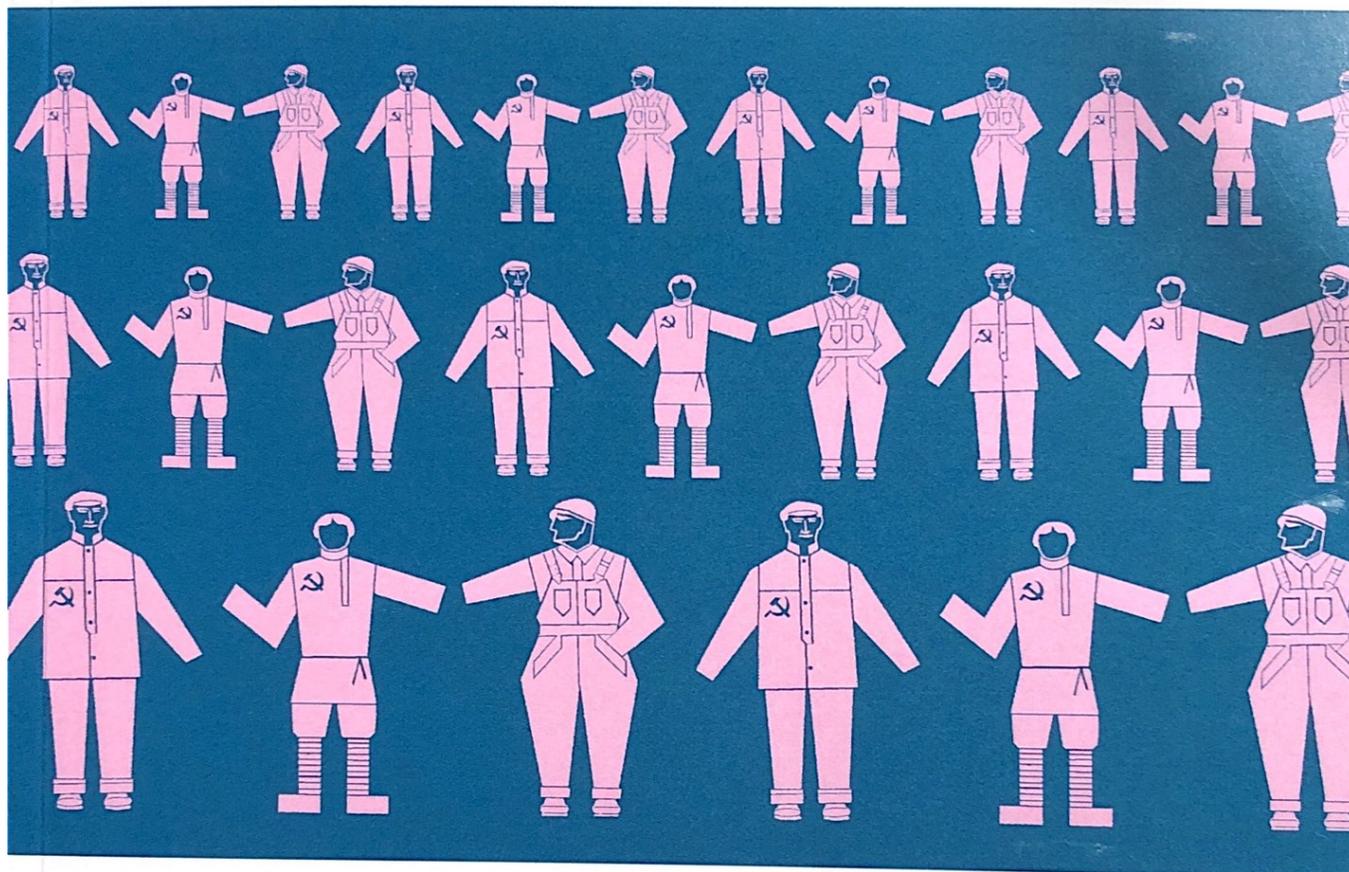

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

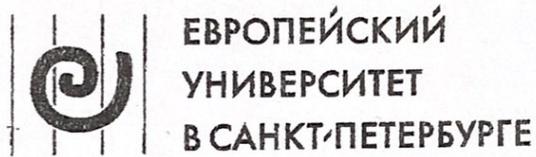
Факультет истории

КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?

**Политическое сознание,
повседневные практики,
новые идентичности**

Материалы тринадцатой
международной конференции молодых ученых
26–27 апреля 2019 года, Санкт-Петербург

Факультет истории

*Книга издана при поддержке
Комиссии по научному планированию ЕУСПБ*

КОНСТРУИРУЯ «СОВЕТСКОЕ»?

**Политическое сознание,
повседневные практики,
новые идентичности**

**Материалы тринадцатой международной конференции
молодых ученых
26–27 апреля 2019 года, Санкт-Петербург**

УДК 321.74
ББК 66.1(2)61
К65

Составители и редакторы: *М. Газимзянов, Д. Ганзенко,
Е. Жданкова, Е. Красильникова, О. Майстат, Д. Наволоцкая,
Д. Свирина, Д. Тейлор, Д. Фетисова*

К65 **Конструируя «советское»?** Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности : материалы тринадцатой международной конференции молодых ученых (26–27 апреля 2019 года, Санкт-Петербург). — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. — 136 с.

ISBN 978-5-94380-280-5

Настоящее издание является сборником материалов тринадцатой международной конференции «Конструируя “советское”?», состоявшейся 26–27 апреля 2019 года в Европейском университете в Санкт-Петербурге. В конференции приняли участие молодые исследователи из Москвы, Перми, Санкт-Петербурга и Томска, а также из Кана, Мадисона, Таллина, Тарту, Парижа, Санта-Круза. В фокусе внимания авторов статей — советское кино и гендерные вопросы, становление советской литературы, подходы к воспитанию в СССР, политика памяти, анализ блокадных источников, советизация пространств. В докладах были использованы разнообразные письменные и визуальные источники, с помощью которых авторы предложили свое понимание феномена «советского».

УДК 321.74
ББК 66.1(2)61

ISBN 978-5-94380-280-5

© Авторы, 2019
© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Иван Атапин</i> ДОМА-КОММУНЫ ДЛЯ «ГОРОДА УГЛЕКОПОВ»: ИДЕЯ ОБОБЩЕНИЯ БЫТА В ПРОЕКТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОРОДА ТЫРГАН	7
<i>Екатерина Воронова</i> ВОСПРИЯТИЕ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ ОТЦОВ И МОДЕЛЕЙ ОТЦОВСТВА В 1950–60-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКИЙ ЭКРАН»)	14
<i>Гульназ Галеева</i> «ТАКИХ ДИВИЗИЙ БЫЛО МНОГО, А БАШКИРСКАЯ БЫЛА ОДНА»: БАШКИРСКИЕ КАВАЛЕРИСТЫ И ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В 1960-Е ГГ.	21
<i>Сара Грушка / Sarah Gruszka</i> КАК ПИСАТЬ «Я» В ЭПОХУ «МЫ»? ПОИСКИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИ ДОПУСТИМОГО ДНЕВНИКА ВО ВРЕМЯ ЛЕНИНГРАДСКОЙ БЛОКАДЫ (1941–1944 ГГ.)	28
<i>Альбина Заверткина</i> АВТОБИОГРАФИЯ МИСТИКА РОВНЕРА КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЩЕНИЯ	36
<i>Лийс Йыхвик / Liis Jõhvik</i> REEL LIFE: MEMORY AND GENDER IN SOVIET HOME MOVIES AND AMATEUR FILMS—A CASE OF ESTONIAN TV SERIES “8 MM LIFE”	43
<i>Мадина Калашишникова</i> СОВЕТСКАЯ ШКОЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ 1960–80-Х ГГ. КАК ФОРМА КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РАМОК ПАМЯТИ	49
<i>Екатерина Кондакова</i> СОВЕТИЗАЦИЯ ДЕРЕВНИ В 1920–30-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ ДНЕВНИКОВ К. Ф. ИЗМАЙЛОВА)	55
<i>Юлия Лень / Yuliya Len</i> DESTRUCTION OF AN OLD JEWISH CEMETERY OF BERDYCHYV (UKRAINE) IN 1929–1930 IN THE CONTEXT OF THE SOVIET NATIONAL AND RELIGIOUS POLICIES	62

- Анастасия Павловская*
«ВТОРАЯ БЛОКАДА»: ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ
ЖИТЕЛЕЙ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА О ГОЛОДЕ
1919–1920 ГГ. В ПЕТРОГРАДЕ 68
- Александра Пахомова*
«ПРЕСОВЕТСКИЙ» ПОЭТ: ПЕТРОГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА ПОЭТОВ И ФОРМИРОВАНИЕ
СТАТУСА «ПОЭТА» В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ. 74
- Евгения Платонова*
ГРАНИЦЫ МУЖСКОГО В МОДНОМ ДИСКУРСЕ ЛЕНИНГРАДА
В ПЕРИОД ОТТЕПЕЛИ 81
- Тамара Полякова / Tamara Polyakova*
«МЫ ДЛЯ НИХ КАК ЧАРОДЕИ». МИКРОИСТОРИЯ
БРИТАНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ НА СЕВЕРЕ РОССИИ 87
- Степан Попов*
ПОЛИТИКА ДЕЙКСИСА: К ОПИСАНИЮ ПРАГМАТИКИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА 94
- Наталья Пученкина / Nataliya Puchenkina*
«НЕ ЖЕЛАЯ РАЗБАЗАРИВАТЬ НАШИ ШЕДЕВРЫ»:
К ВОПРОСУ О СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКЕ КИНОЭКСПОРТА
В 1920–30-Е ГГ. НА ПРИМЕРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВОКС,
СОВКИНО И ИНТОРГКИНО 101
- Андрей Ткаченко / Andrei Tcacenco*
COLLECTIVISM, MORALITY, AND LATE SOCIALIST SOVIET
CHILDHOOD: 1960–1984 108
- Татьяна Ускова*
ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНА НОСТАЛЬГИЯ ПО СОВЕТСКОМУ?
СЛУЧАЙ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ, ПОСВЯЩЕННЫХ
ПАМЯТИ О ЧЕРНОБЫЛЕ 115
- Наталья Фаликова*
ПРОЛЕТАРИЗАЦИЯ И САКРАЛИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО
ТРУДА В РИТОРИКЕ «СЕРАПИОНОВЫХ БРАТЬЕВ» 122
- Ольга Юдина*
ДВОЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ДАВИДА СИКЕЙРОСА
И ИОСИФА ГРИГУЛЕВИЧА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
МЕКСИКАНСКОГО ИСКУССТВА В СССР В 1960–80-Х ГГ. 129

Екатерина Кондакова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» — Пермь
студентка 3 курса
katya.kondakova.98@mail.ru

**СОВЕТИЗАЦИЯ ДЕРЕВНИ В 1920–30-Е ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ ДНЕВНИКОВ
К. Ф. ИЗМАЙЛОВА)¹**

В 1920-х гг. началась ликвидация безграмотности советского населения. Эти изменения коснулись в том числе и деревни. Чтобы развить умение излагать свои мысли на бумаге, человеку рекомендовалось вести личный дневник. Подобная практика не только помогала человеку обучаться письму, но и способствовала овладению новым языком. Советский дневник представлял собой особый нарратив, иллюстрирующий конструирование советской реальности. Усвоение человеком идеологического дискурса сопровождалось сохранением прошлого опыта человека, жизнь которого проходила на стыке двух реальностей. Марк Липовецкий называет эти параллельные реальности «символической и практической, знающих друг о друге, постоянно встречающихся и сталкивающихся друг с другом в пространстве субъективности, но лишенных системных механизмов социальной коммуникации друг с другом»².

В данной работе на основе личных дневников К. Ф. Измайлова исследуются изменения жизненного мира человека, вызванные политикой власти, направленной на советизацию деревни в 1920–30-х гг. В работе с эго-документами для интерпретации социальных смыслов и практик применяется «уликовая парадигма» Карло Гинзбурга. Изучая субъективные переживания реальности отдельного

¹ Публикация подготовлена в ходе работы по проекту № 19-04-013 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2019 г. в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

² *Липовецкий М.* Трикстер и «закрытое» общество // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. URL: <http://www.zh-zal.ru/nlo/2009/100/li19-pr.html>.

человека, отраженные в личном дневнике, историк имеет возможность увидеть социальное прошлое. Ценность дневника как исторического источника, содержащего описание жизненных подробностей, эмоций, суждений, переживаний и интроспекции конкретного человека, подчеркивают современные исследователи К. Кобрин³ и Н. Суржикова⁴.

Константин Федорович Измайлов (1900–1942) — плотник, стекольщик, парикмахер, а также активный партийный деятель с личным подсобным хозяйством села Смоленское Смоленской волости Бийского уезда. Дневник, который Константин Измайлов ежедневно вел с 1923 по 1941 г., был обнаружен землячкой автора, краеведом Анжелиной Михайловной Ситновой. Всего было найдено 55 дневников, которые впервые были опубликованы в электронном архиве личных дневников «Прожито» в 2017 г. Перед публикацией Анжелиной Михайловной была проведена кропотливая работа по подготовке текста и его комментированию.

Наш герой родился в большой крестьянской семье. Он был одним из немногих в деревне, кто был научен писать и читать. В своих дневниковых записях К. Измайлов описывает значимые события, повседневные заботы семьи, привычные составляющие крестьянского быта на фоне серьезных изменений в стране. Дневники К. Измайлова не отличаются высокой степенью рефлексии, тем не менее они отражают практики конструирования нового советского человека. Рассказывая о жизни своей семьи и односельчан, ему удалось ухватить моменты, выбивающиеся из череды привычных практик, обусловленные переходом к иному государственному строю. Нарративы данного материала позволяют воссоздать картину жизненного мира деревенского жителя в 1920–30-х гг.

Социализация Измайлова проходила в обстановке деревенской жизни, в основе которой лежал прочно укоренившийся традиционный уклад. *Изменения медленно проникали в эту среду, и поколение за поколением воспроизводило прежние правовые обычаи, морально-нравственные, этические нормы и правила поведения. Статичность позволяла сохранить в селе старые ценности, которые*

³ Кобрин К. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 289.

⁴ Суржикова Н. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах: исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 6–13.

поддерживали неизменность привычного порядка. Внутренняя социальная жизнь крестьян представляла сложную сеть неофициальных связей родственных, дружеских, соседских взаимоотношений, скрепленных пространственной близостью, взаимопомощью и поддержкой. Общинные устои не просто координировали повседневность и быт крестьянина, а отражали, как отмечает В. Б. Безгин, « всю глубину его духовно-нравственного сознания, олицетворяли не просто арифметическое соединение крестьян, а нечто большее — соборное соединение, имеющее характер высшего закона»⁵. Жители деревни могли контролировать социальное поведение друг друга и предотвращать возможные девиации односельчан.

Преобразования первых десятилетий советской власти коренным образом изменили прежний крестьянский уклад⁶. «Культурные традиции и институты деревни» были серьезным препятствием для правительства, стремящегося установить контроль, поскольку «государство осознавало, что крестьянская культура по своей природе или потенциалу содержит в себе элементы сопротивления»⁷. Чтобы преодолеть традиционность, в деревне создавались новые институты — партийные ячейки, учреждения местной административной власти, колхозы, подавляющие ее прежнюю автономность. Новая культурная политика власти пошатнула основные ценности, на которых зиждилась крестьянская повседневность. Разрушалась община, некогда неотъемлемая часть деревенской жизни, распространялись атеистические идеи, насаждались новые праздники, поддерживающие советскую идеологию. Нововведения имели воздействие на мировоззрение крестьян, меняя их обыденное восприятие действительности. По материалам официальных источников можно сказать, что деревня стала по-настоящему советской. Однако в советской реальности имплицитно все же сохранялось наследие дореволюционного периода⁸, о чем свидетельствуют, например, сохранившиеся эго-документы.

⁵ Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Bezg.

⁶ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008. С. 229–251.

⁷ Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010. С. 53.

⁸ Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920–1930-х годов. СПб., 1999. С. 319–323.

Одной из важнейших сторон советизации была необходимость освоения человеком нового дискурса⁹. В городской среде переход на советский язык осуществляется в связи с распространением новых социально-политических структур. Существовала жизненно важная необходимость правильно говорить и писать, используя эти навыки в нужных ситуациях. Такое умение давало человеку много преимуществ, а неумение вызывало подозрения. Американский историк Стивен Коткин под необходимостью употреблять новые термины понимал «“игровое поле”, где люди усваивали правила игры городской жизни», благодаря которым «люди становились участниками общественной жизни или, если угодно, членами “официального общества”»¹⁰.

Иначе дело обстояло в деревне, где длительное время сохранялся старый уклад и куда все новое проникало медленнее. В дневнике К. Измайлова можно увидеть, как в одной из изложенных мыслей пересекаются два разных языка: «Деревня ударно готовится к Михайлову дню»¹¹. Термины властного дискурса накладываются на диаметрально противоположную область религиозных традиций.

При описании деревенского быта в дневнике герой использует несколько параллельных нарративов. С одной стороны, крестьянский нарратив, состоящий из привычных для деревенского жителя практик: работа в поле, уход за скотом, заботы по хозяйству. С другой — новая партийная повседневность. Она включала в себя партийные собрания и конференции с чтением докладов, занятия в школе по ликвидации безграмотности и постановки спектаклей в сельском нардоме. В простую деревенскую жизнь входит идеологический дискурс, и жизнь героя складывается из причудливого переплетения двух реальностей: «Сегодня празднование 9-й годовщины Октябрьской революции!!! В 2 часа дня митинг около райкома ВКП(б). Собралось много народу. Вечером в нардоме торжественное заседание в честь

⁹ *Кабачков А. Н.* Конструирование нового человека: опыт 1930–40-х годов // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2017 г. М., 2018. С. 825–838.

¹⁰ *Коткин С.* Говорить по-большевистски // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 282.

¹¹ *Измайлов К. Ф.* Дневник. Запись от 20.11.1927 // Прожито. URL: <http://prozhito.org/person/1629>.

Октябрьской годовщины, приветственные речи. <...> С утра работал в конюшнях по-домашности. Скот весь дома держу: три коня и пять коров»¹². С появлением нового измерения герой учится правильно его описывать, используя готовые выражения из газетных сводок.

Сочетание нового и старого в деревне в 1920–30-е гг. прослеживается на примере досугового нарратива, частью которого являлись питейные практики. Пристрастие к спиртному может быть рассмотрено в качестве традиции досоветского деревенского быта. Алкоголь являлся неотъемлемой частью повседневной жизни крестьян, сопровождая хозяйственные работы, семейные посиделки и праздники. Отношение к пьянству было снисходительным, если только злоупотребление им не имело пагубного влияния на ведение хозяйства. Односельчане могли лояльно взирать на разгул соседей по праздникам, в то время как трезвость могла вызывать подозрения¹³.

Дневник позволяет взглянуть на пьянство в новой социокультурной ситуации: наложение советских форм (праздники, партийные мероприятия) на традиционные ритмы деревенской жизни. Константин Измайлов описывает эти ситуации в подробностях, комментируя их. Используя материал этой рефлексии, мы можем увидеть, как употребление алкоголя выходит за рамки нормативной крестьянской жизни: «После митинга полилось рекой вино по селу! Запили и отработники, коммунисты, служащие, рабочие, колхозники, единоличники в честь 1 мая! И сегодня, кстати, первый день Пасхи»¹⁴. Мы видим, как в селе наравне с советскими праздниками продолжают сохраняться старые религиозные обряды, сопровождаемые спиртными напитками.

Сельское празднество в народном мировосприятии дореволюционной России было тесно связано с выпивкой. К церковным праздникам готовились заранее и ждали их с большим нетерпением. Это был не только способ эмоциональной разрядки после продолжительных дней тяжелого труда, но и прием сплочения деревенских жителей и укрепления крестьянской общины. Пьяные праздники у крестьян чередовались с периодами полевой страды. Работа в поле предполагала большие усилия, плохо совместимые с пьянством. Земля для деревенского обывателя всегда представляла особую ценность, поэтому

¹² Там же. Запись от 07.11.1926.

¹³ *Безгин В. Б.* Крестьянская повседневность.

¹⁴ *Измайлов К. Ф.* Дневник. Запись от 01.05.1932.

к вопросу обработки земли подходили чрезвычайно серьезно. От этого зависела жизнь большой крестьянской семьи.

С приходом новой власти происходит разрушение старого порядка и прежний социальный контроль ослабевает. На смену им приходит структура советских организаций, воспроизводящая иные регламенты жизни. Без привычных жизненных норм и ценностей, когда община и традиция теряют авторитет, крестьянству становится тяжелее выстраивать отношения с алкоголем. Результатом неконтролируемого пьянства становится рост девиантного поведения крестьян: «Днем проводится митинг на площади. Участвуют все организации и колхозы села. Погода благоприятная. День теплый. Езда продолжается на санях. Вечером играю на сцене в пьесе “Расплата” в двух действиях. Народом заполнен до отказа народом. Буфет, лотерея. Потом пьянство, драки, аресты. Пьянство вылилось в открытую форму»¹⁵. Измайлов становится свидетелем всеобщего кутежа среди односельчан и делится этим значимым, по его мнению, знанием со своим дневником: «Второй день торжественно празднуется населением Пасха! Везде и всюду все честные и нечестные, беспартийные и партийные пьяны, гуляют, пьют, поют. Хотели было проводить собрания по районам с беднотой о посевной кампании — нигде никто не собирается, праздник, мол, собрания потом можно»¹⁶. Попойки становятся причиной столкновения с органами общественного порядка, нарушения крестьянами принятого рабочего распорядка. Такие социальные явления становятся обычными для жизненного мира Константина Измайлова.

Несмотря на девиации, к пьянству в деревне относились спокойно. Но недовольство вызывали случаи употребления алкоголя членами администрации. Между крестьянскими мужиками и представителями местной власти выстраивалась дистанция: «Вся административная сволочь стоят горой друг за друга»¹⁷. Членов руководящих структур считали «чужими» и пьяный разгул с их стороны становился неприемлемым и вызывал осуждение: «В селе гульба, пьянство вовсю со стороны местной власти...»¹⁸ К местной власти относились с недоверием, поскольку ее вседозволенность и привилегированность отталкивала жителей села: «Все были на аэродроме!!!

¹⁵ Измайлов К. Ф. Дневник. Запись от 07.11.1931.

¹⁶ Там же. Запись от 16.04.1928.

¹⁷ Там же. Запись от 22.06.1927.

¹⁸ Там же. Запись от 09.01.1924.

Недовольствие среди массы было: на самолете ездила только администрация. Из вольных граждан никто не ездил на самолете...»¹⁹ Несответствующее новым культурным стандартам поведение отстраняет власть от той реальности, в которой существует остальное сельское население.

Через анализ дневника К. Ф. Измайлова в статье были рассмотрены различные грани процесса советизации деревни в первые десятилетия новой власти. «Человеческие документы», в отличие от делопроизводственных, законодательных источников и газет, позволяют увидеть, как реализовывался коммунистический проект не со стороны государственной машины, а сквозь призму маленького человека. Конструирование нового человека сопровождалось изменениями жизненного мира индивидуума. Освоение нового идеологического дискурса и фоновых практик при сохранении прошлого опыта приводило к наложению друг на друга двух социальных реальностей. Это, с одной стороны, помогало приспособливаться к непривычным условиям, а с другой — приводило к распространению социальных аномалий.

¹⁹ Там же. Запись от 08.02.1927.